

«Устроение души» как основная доминанта сознания авторов вкладных, данных и духовных

Дергачева И.В.,

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультета «Иностранные языки» ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, krugh@yandex.ru

В основу исследования положены вкладные, данные и духовные грамоты, отражающие представления русского средневекового человека о конечности жизни. На основе проведенного тематического, формулярного и стилистического анализа этих документов прослеживается история формирования традиций отношения к усопшим, в которых «посмертное устроение души» становится основной доминантой сознания составителей дарственных актов.

Ключевые слова: Танатологические представления, источниковедение, эсхатологические представления, текстологический анализ, церковная иерархия, дарственные документы.

Для цитаты:

Дергачева И.В. «Устроение души» как основная доминанта сознания авторов вкладных, данных и духовных [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Dergacheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030302

For citation:

Dergacheva I.V. "The dispensation of the soul" as the main dominant of the authors vkladnyj, dannyj and duhovnyj [Elektronnyj resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Dergacheva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030302

Танатологические представления в культурной среде любого общества являются важнейшими онтологическими установками, влияющими на психологию человека и мотивацию жизненного поведения. Доктринальные понятия об ином мире и судьбе души по смерти тела находят отражение в индивидуальном сознании и культуре повседневности. Вкладные, данные и духовные были особенно популярны в средневековой Руси, ибо «устроение» души стало господствующей нравственной заботой общества, пострижение и вечное поминовение – необходимыми средствами душевного спасения, монастырь – главным посредником между небесной и земной жизнью, а земельные и денежные вклады – лучшим обеспечением правильного действия этих средств» [9, с. 70].

Поминание предков сложилось еще в ветхозаветный период, когда иудеи преломляли над умершими хлебы и раздавали их нищим. О необходимости поминовения усопших заявлено в Посланиях апостолов, где приведены и молитвы за них во время евхаристии в «поминальные дни». В русской средневековой культуре важным источником эсхатологических представлений «является Русский Синодик – особая памятная книга с именами живых и мертвых, поминаемых священником во время богослужения (на литургиях и панихидах». Поминание, или молитвенное упоминание, живых и умерших основано на вере в его действенность перед

Богом, в возможность повлиять на земную либо посмертную судьбу поминаемого челока» [6, с. 146].

Значение дарственных документов, особенно духовных, было столь велико, что к их хранению относились особенно серьезно, что и обусловило их большую сохранность среди документов допетровской эпохи. Даже в опустошительный московский пожар 1626 г., когда, по словам летописца «в приказах все дела и в житницах хлеб, все погибе», когда сгорели писцовые и переписные книги, согласно которым взимали налоги с населения России, духовные и договорные книги были спасены.

Как правило, данные, вкладные и духовные хранятся в фондах монастырей и архиерейских домов, которые являлись «наследники по душе, ибо жертвование в эти учреждения было главным образом мотивировано желанием спасти душу; часть таковых вкладов прямо предназначалась на издержки по религиозным обрядам, связанным со спасением души, с поминовением в сороковой день, с записью в синодик и т.д.» [4, с. 19-20].

Особенно информативными оказались фонды Гledenского Троицкого мужского монастыря в г. Устюге, основанного в XII в., самого древнего из монастырей Двинской области; Пафнутьева Боровского мужского монастыря, основанного в 1444 г. настоятелем Зачатьевского Серпуховского монастыря Пафнутием; Иосифо-Волоколамского мужского монастыря, основанного в 1479 г. преподобным Иосифом Волоцким, внесшим большой вклад в борьбу против новгородско-московских антитринитариев и написавшим первый синодик с синодичными предисловиями, доказывающими необходимость поминовения как способа спасения души после смерти бренного тела.

Наибольшее число документов было сохранено в архиве Спасо-Ефимьева мужского монастыря в Суздале (25279 единиц хранения), основанного в 1352 г. суздальским князем Борисом Константиновичем и монахом Нижегородского Печерского монастыря Евфимьем.

Дарственные документы хранились также в органах местного управления – приказных избах, канцеляриях воевод, управлявших городами и уездами, ведавших административными, военными, поместными, финансовыми, полицейскими и судебными делами городов и уездов. Хранение дарственных актов в приказных избах объясняется спецификой этих документов, регламентирующих имущественные отношения между частными лицами и церковными учреждениями.

Пожертвование в монастырь или архиерейский дом являлось «необходимым... наиболее надежным и солидным посредником не только в устроении будущей жизни, но и в превратностях земных» [10, с. 19], что и обусловило особенно широкое распространение дарственных документов.

В тексте данных наиболее часто встречается запрещение нарушать договор, санкционированное судом пред Богом во время второго Христова пришествия:

«...а кто учнет ту вотчину выкупат насилствомъ род мои и тот судица со мною в будущемъ веце пред Бгомъ» [7, с. 4—41].

«а хто в ту вотчину станет вступатие и имъ со мною будет суд перед Спасом в будущемъ веце...» [7, с. 44].

Однако встречаются и варианты: «А кто почнетъ вступатись, или обидети, домовное Святаго Иоанна Богослова, по сей по данной грамоте, а на того Богъ и святый Иоаннъ Богословъ» [2, с. 143, 1452 г.].

Большое значение в формуляре данной имеет клаузула, определяемая С.М. Каштановым как "arenga" – преамбула, излагающая высшие мотивы и цели составления документа. Именно в ней представлены своеобразные представления о средствах спасения души, побуждающие человека задолго до смерти стараться обеспечить достижение высшей цели своего существования, обрести узкий путь, ведущий в жизнь вечную («Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их (Мф.7:14)»):

«а дал есми то село и деревню в домъ Живоначальной Троицы и великим чюдотворцомъ Сергию и Никону впрок без выкупа вечных ради благъ наслаждения и вечнаго ради покоя...» [7, с. 40–41];

«...ино та деревня и по нашихъ душахъ на вечной поминокъ потомужъ въ наследие вчныхъ благъ...» [3, V, с. 453];

«Се яз... дал есми в дом Живоначальной Троице... в Коломенском уезде селцо Кишкино... для вечнаго покоя...» [7, с. 55].

Подобные клаузулы встречаются и в данной князя Димитрия Немова Волоколамскому монастырю... 1563 г. [2, с. 147]; в данной Троице-Сергиеву монастырю Анны Никифоровой... 1571–72 гг. [7, с. 47]; данной Прасковьи Ивановой дочери Хлопова... Троице-Сергиеву монастырю 1574–1575 гг. [7, с. 114–115]; данная богоявленскому борковскому монастырю Булгака Андреева сына Корокодымова... 1576–77 гг. [7, с. 53] и пр.

Близки тематически и по форме к данным вкладные, известные с XII в., употребляемые в значении дарственной записи «на помин души», что подчеркивается и в их дефиниции как «документов, оформлявших дарение («вклад») частными лицами монастырю движимого и недвижимого имущества («на помин души») [8, с. 57].

Как правило, они имеют преамбулу, объясняющую высшие мотивы составления документа – поминание души в наследие вечных благ в ином мире после смерти бренного тела. Так, «Вкладная вологжанина дворянина Ивана Пименовича Хлуденева в Антониев монастырь на 100 рублей» имеет преамбулу: «... а вклады он Иванъ Пиминович пожаловал дал в дом Рожества Пречистыя Богородицы... по своей праведной вере будущего ради покоя и в наследие вечных благъ...» [Российский государственный архив древних актов– РГАДА, Кирилло-Белозерский монастырь, I, № 168, 1681 г.]. Подобная преамбула имеется и во «Вкладной крестьянина с. Усть-Стрелец Василия Ярофеева на лошадь, корову и овец»: «...Дал вкладомъ в домъ всемилостивого Спаса... душевнаго ради спасения и телеснаго здравия...» [Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР – ЛОИИ, ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН. Ф. 271, Спасо-Прилуцкий монастырь, I, № 1399, 1699 г.].

Особое значение в поминальной практике имеют духовные, ибо в Древней Руси завещание носило аксиологический характер устроения жизни «будущего века»: «Древнерусский человек в своей «душевной грамоте» не только ликвидировал свои житейские дела, но и устраивал будущую жизнь. В числе обычных мотивов к составлению духовного завещания – ожидания смерти, тяжелой болезни, отправления на опасное предприятие или службу – большое значение имело то одностороннее и своеобразное представление о средствах душевного спасения, по которому правильное действие этих средств должно было обеспечиваться материально» [9, с. 71]. Наиболее ранние духовные или душевные грамоты частных лиц известны в копиях с XII в., завещания великих и удельных князей – с XIV–XVI вв. Несмотря на разнообразие самоназваний завещаний: духовные, духовные грамоты, духовные и душевные памяти, душевные грамоты, во всех лексемах присутствует корень дух, душ, то есть указание на суть документа, оформляемого с целью спасения души в жизнь вечную.

Обычно часть движимого или недвижимого имущества завещалась «по душе» монастырю, архиерейскому дому или церкви:

«А по своей душе дал есмь село Игнатъевское да трои пчелы святой Троице в монастырь», – читаем в духовной «раба Божьего Патрекея». В связи с социальным положением завещателя диспозитивная часть духовных, определяющая завещательные ценности, передаваемые составителем, может сильно различаться. Так, диспозитивная часть духовной княгини «инокини» Евдокии намного объемнее, нежели духовной «раба Божьего Патрекея»:

«А что мое село приданое Маха в Володимерскомъ уезде в Колпи, благословенье отца моего Ивана Григорьевича Черта Курицына, з деревнями и з бортнымъ лесом, а деревень к тому селу: Лесникова, Тарасово, Крючковъ починок Гридиньской, и то село, и з деревнями и з бортным лесом – в дом живоначальной Троице в Сергиевъ монастырь...

А что мое село приданое ж Коренево з деревнями в Дмитровском уезде... и после моего живота то село, и з деревнями, и со всемъ, что к нему изстарины потягло, и з хлебомъ з земным – в дом Пречистой в Симанов манастырь по душе моего государя, и по моеи душе и по всему нашему роду, оприч людеи наших хлеба... а село Маха и при моем животе в домъ живоначальной Троице. А Есиповского ж села деревня Скоблево, и та деревня в дом пророку Илье...

А что мои приказшики возьмут с сель здатка денегъ после моего живота, и они долгъ мой заплатят, а что ся останет за долгом у них денег, и оне джадут по нем въ сорокоустъ к Спасу во Ондриков монастырь дватцать рублев...» [1, с. 109–112; 1513 г.].

Как правило, в завещаниях содержится условие о поминовении за вклад, передаваемый завещателем в монастырь или архиерейский дом. Так, в духовной старца Симонова монастыря Андриана Ярмика написано: « Даль есми Пречистой Богородици въ домъ на Симаново архимандриту Афанасью съ братьею свои селца и съ деревнями... и язъ то далъ все Пречистой на Симаново, архимандриту Афанасью съ братьею, на поминокъ своей души, и нъ поминають мою душу и моихъ родители...» [3, I, с. 552; 1460 г.].

Таким образом, в духовных человек не только устраивал свои житейские дела, но и «устраивал» свою душу, облегчая ей переход в «жизнь вечную» и даруя возможность «небесных благ наслаждения» по смерти бренного тела. Именно эсхатологические воззрения средних веков явились залогом широкого распространения вкладов в такие церковные учреждения, как монастыри, архиерейские дома и церкви. Родство данных, вкладных и духовных несомненно. Их сопоставление приводит к выводу, что между этими историческими источниками имеется несомненное тематическое, формулярное и стилистическое сходство.

Основной темой этих документов является передача ценностей монастырю, во вкладной и данной – это основа диспозитивной части, а в духовной – одна из важных частей завещания, следующая сразу за именем адресанта.

В формуляре данных, вкладных и духовных прослеживаются общие для всех них клаузулы или реквизиты. В диспозитивной части рассматриваемых нами документов совпадают такие основные моменты договора как указания на размер вклада в монастыри и условие о поминовении вкладчиков и их родных.

В описываемых документах прослеживаются элементы двух стилей: разговорного и церковно-книжного. Диспозитивная часть описана деловым языком, характерной чертой которого является наличие многочисленных речевых стандартов-клише. Некоторые клаузулы выходят за пределы одного жанра – из данной переходят во вкладную, из вкладной – в духовную и наоборот: «а пошлет Бог по мою душу»; «а дал есми по своим родителям и своей души»

© 2016 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»

душе на поминоку», «В наследие вечных благ», «поминати веки, доколе сия святая обитель стоит» и пр.

Иногда в дарственных актах встречаются элементы церковно-книжного красноречия. Например, во вкладной вологжанина дворянина Ивана Пименовича Хлуденева в Антониев монастырь: «...А изволит онъ Иван восприяти святыи аггельский образ и нам иво пострици... а изволит Господь Богъ преселити душе его от сего света во он будущи немерцающий свет и нам имя иво в дом Пресвятыя Богородицы написати в вечное поминание...» [РГАДА. Кирилло-Белозерский монастырь, I, № 168, 1681 г.].

Встречаются дарственные акты, в которых украшенная и сложная по конструкции речь соседствует с разговорным языком. «Церковно-книжные фразы и символы приспособлялись к разговорной речи, переосмыслились на основе ее семантики, сопоставлялись с выражениями русского бытового языка, пояснялись его синонимами» [5, с. 38]. Примером может служить отрывок из духовной Пантелеймона Мисюря Соловцова. В начале следует традиционное богословие, за которым после списка завещаемого имущества идет перечисление грехов составителя акта. Изложение ведется живым разговорным языком: «А съ кемъ у меня бывала брань въ моесъ роду, и съ дядьею, и съ братьею, и съ племянники и съ ихъ женами, или съ кемъ ни буди съ чюжими, и онъ бы меня пожаловали простили... такожь крестьянъ моихъ и крестьянокъ, чемъ кого оскорбилъ въ своей кручине, лаею и ударомъ и продажею, по вине и не по вине, во всемъ передъ ними виновать...» [3, I, с. 555, 1627 г.].

В этом же документе встречаем и торжественный стиль с библейскими реминисценциями: «..аще будетъ скорбь велия на сына моего, настоящая, или произволительная, или естественная, по милости твоей подаруй же ему, Господи, душеполезный разумъ и терпение Иевле во дни скорбей ихъ, да не впадетъ во отчаяние и не похулить имени твоего святого и не погрешать святого крещения иже крестилися водою и Духомъ; на конецъ же векъ ихъ дай имъ, Господи, преже смерти покаяние; сподоби ихъ, Господи, причастникомъ быти честнаго и пречистаго тела Твоего святого и крови... сподоби ихъ, Господи, на страшномъ и нелицемерномъ твоёмъ торжище со избранными Твоими стати одесную грознаго престола твоего и слышати благи гласъ: «Прдъте благословении Отца моего...». Этот текст обладает признаками торжественного риторического стиля, что связано с тем, что в нем содержится развернутое поучение автора своим сыновьям.

Итак, анализ формуляров вкладных, данных и духовных указывает на то, что в этих памятниках деловой письменности, так же, как и в памятниках древнерусской письменности, отражены представления средневекового человека о загробном мире, душе и ее спасении. Эсхатологическая тематика интересует их составителей с точки зрения проблем «малой эсхатологии», то есть спасения индивидуальных личностей. Однако и темы «большой эсхатологии» затронуты в данных источниках с точки зрения составных частей формуляра, в которых говорится об ответственности душеприказчиков на страшном Суде.

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проект № 16-04-00523

Литература

1. Акты русского государства 1505–1526 г. Сборник. М.: 1975.
2. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: Археографическая комиссия, 1836.
3. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб.: Археографическая комиссия, 1857–1884.

Дергачева И.В.
«Устроение души» как основная доминанта сознания
авторов вкладных, данных и духовных
Язык и текст langpsy.ru
2016. Том 3. № 3. С. 11–17.
doi: 10.17759/langt.2016030302

Dergacheva I.V.
"The dispensation of the soul" as the main
dominant of the authors vkladnyj, dannyj
and duhovnyj
Language and Text langpsy.ru
2016, vol. 3, no. 3, pp. 11–17.
doi: 10.17759/langt.2016030302

4. *Беляев П.И.* Анализ некоторых пунктов древнерусского завещания. М.: 1897.
5. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков». М.: 1982.
6. *Дергачева И.В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М.: Кругъ, 2004.
7. Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М.: 1978.
8. *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. Ростов: Ростовский университет, 1976.
9. *Рождественский С.В.* Из истории секуляризации монастырских вотчин на руси в XVI веке // Журнал Министерства народного просвещения, 1895, май.
10. *Шумаков С.* Обзор «грамот коллегии экономии». Вып. IV. М.: 1917.

“The dispensation of the soul” as the main dominant of the authors vkladnyj, dannyj and duhovnyj

Dergacheva I.V.,

Doctor of Philology, Professor at the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication of the faculty of Foreign Languages in the Moscow State University of Psychology and Education, krugh@yandex.ru

The study is based on data and spiritual literacy, reflecting representation of Russian medieval man on the finiteness of life. According to the theme of the formulary and stylistic analysis of these documents the author reveals the history of the formation of the traditions related to the deceased in which "the dispensation of the soul after death" becomes the main drafters of the dominant mind-state.

Key Words: Thanatological representation, source study (istochnikovedenie), eschatological representation, textual analysis, the church hierarchy, donative documents.

Funding

This work was supported by RGNF № 16-04-00523.

References

1. Aktyi russkogo gosudarstva 1505–1526 g [Acts of the Russian State Collection of 1505-1526]. Sbornik. Moscow: 1975.
2. Aktyi yuridicheskie, ili sobranie form starinnogo deloproizvodstva [Acts of law, or a collection of ancient forms of record keeping]. Saint-Petersburg: Arheograficheskaya komissiya, 1836.
3. Aktyi, odnosyashiesya do yuridicheskogo byita drevney Rossii [Acts related to the legal life of ancient Russia]. Saint-Petersburg: Arheograficheskaya komissiya, 1857–1884.
4. Belyaev P.I. Analiz nekotoryih punktov drevnerusskogo zaveschaniya [Analysis of some items of ancient wills]. Moscow: 1897.
5. Vinogradov V.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyika XVII–XIX vekov» [Essays on the history of Russian literary language XVII-XIX centuries]. Moscow: 1982.
6. Dergacheva I.V. Posmertnaya sudba i «inoy mir» v drevnerusskoy knizhnosti [Posthumous fate and "another world" in ancient literacy]. Moscow: Publ. Krug', 2004.
7. Pamyatniki russkoy pismennosti XV–XVI vv [Monuments of Russian literature XV-XVI centuries]. Ryazanskiy kray. Moscow: 1978.
8. Pronshteyn A.P. Metodika istoricheskogo istochnikovedeniya [The methodology of the historical source studies]. Rostov: Rostovskiy universitet, 1976.
9. Rozhdestvenskiy S.V. Iz istorii sekulyarizatsii monastyirskih votchin na rusi v XVI veke [From the history of the secularization of monastic estates in Russia in the XVI century]. // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvetsheniya [Magazine of the Ministry of Education]. 1895, may.
10. Shumakov S. Obzor «gramot kollegii ekonomii» [Review of «college diplomas economy»]. Vol. IV. Moscow: 1917.